

ЮРИЙ ПЕРМИНОВ

МНЕ ДЕЛИТЬ С НАРОДОМ НЕЧЕГО...

* * *

Запахнута, как душегрейка на вырост,
заря на окраинном тихом леске.
Смиренно вдыхает предзимнюю сырость
поселок, живущий в любви — не в тоске.

Мы зубы по новым законам на полку
кладем,
но любовь нам Всевышним дана
для жизни...

Из шумного центра к поселку,
погосту и небу — дорога одна.

* * *

Не сумели в оборот мою
душу черти взять...

Спою
песню — русскую народную —
“Светит месяц”, как свою.

ПЕРМИНОВ Юрий Петрович родился в 1961 году в Омске. Автор шести книг и многих публикаций в журналах “Наш современник”, “Москва”, “Роман-журнал XXI век”, “Новая книга России”, “Север”, “Сибирские огни”, “Алтай”, “Простор”. Член Союза писателей России. Главный редактор газеты “Омское время”.

Месяц в небе — словно печево.
Снова песню затыну...
Мне делить с народом нечего —
что со мной делить ему?

Спел, как смог.

И — тихо в комнате.

И в поселке. В общем, тут —
дома...

В нашем тихом омуте
черти долго не живут.

* * *

С чего приуныл, гастарбайтер? Похоже, на шее —
семья,
а семья — это, в целом, почти что кишлак...

С таким вот Наврузом — давно это было — в траншее
курили на пару мы горький солдатский табак.

Давно это было, но — было...

Сейчас бедолагу

почти не узнать...

Неужели — тот самый Навруз?

Не ты ли со мной — русаком — принимая присягу,
поклялся — Джафар — защищать нерушимый Союз
республик свободных?..

Сейчас ты об этом не вспомнишь...

Кем стали — к чему нам утаивать шило в мешке? —
присягу нарушив? — Ты — “чурка”, я — “русская сволишь”...
Но... нечего делать, Навруз, мне в твоём кишлаке...

* * *

Старик всегда встает еще до солнышка —
со вздохом, замирающим в устах.

Живет один: друзья его

и женушка —

лебедушка — давно на небесах.

Растил детей, да где они? Отечеству
служил,

греха не ведал за собой...

Не охладел он сердцем к человечеству,
но люди в целом — кажутся толпой.

И, выбрав жизнь по дням-крупичам дочиста,
еще идет он, старче, по тропе
судьбы немолчной...

Чувство одиночества
острее ощущается в толпе.

* * *

Ну, что, пора готовиться к зиме?..

Еще в листве, как в маминой печали
о днях прошедших,
яблони — оне
меня своей прохладой привечали
в саду, когда был нашим сад, когда
был жив отец... Грушовки — молодыми.

Сюда так много вложено труда —
уже чужого... Только неродными
не стали эти яблони...

К зиме
готовит сад хозяйка молодая,
тепло от яблонь солнечно ко мне
плывет сквозь годы — бережно, не тая...

КОНЕЧНО...

Конечно, дождь... Конечно, бестолковый.
Конечно, грязь чернеет, как мазут.
Конечно, в магазинчик поселковый
сегодня хлеб и водку завезут.
Конечно, день сырой — не для прогулок...

Конечно, примет и моя душа —
и стылый дождь, и запах свежих булок...

Конечно, примет песню алкаша...

* * *

Зрелищ — навалом, да зенки ослепли...
От пуза —
ешь, не хочу! — и плевел, и мякинных щедрот...

Бывшие граждане, братья и сестры Союза —
охлос вокзальный, транзитный гортанный народ, —
громко друг друга барыжными планами теша,
держат в карманах не фиги уже — кулаки.
Ну и куда вы, на земли какие? — На те, что
облюбовали — чужие и вам — варнаки...

Ну и куда вы, о доме и маме не помня? —
С темными пятнами в жирной казенной графе
о регистрации...

Жжет, как паленое пойло,
сердце — тоска
в привокзальном абречном кафе...

Зал ожидания — сумки, согбенные спины
спящих людей, чебуречные запахи...

Мой
дом — далеко,

только не из какой-то чужбины
я возвращаюсь —
сермяжной дорогой —
домой.

* * *

Из Сибири в солнечную Азию
улетают пасмурно скворцы...

Мама заготавливает на зиму
перцы, помидоры, огурцы...

— Солнышко моё, не беспокойся, не
надо, коль неможется...

Она

говорит:

— До следующей осени
доживу, сыночек мой, —
должна! —
чтобы снова к зимушке готовиться...

Выбелит опавшую листву
изморозь под окнами...

Бессонница...

— Доживу, сыночек, доживу...

У НАС...

Гулял всю ночь — домой вернулся целым
и невредимым...

Чаю под рассвет

попил...

У нас, в отличие от центра,
своих не бьют;
чужих, похоже, нет.

Зло не пристало к нашему поселку:
без доброты нам — жителям — никак...

Собаки наши добрые, поскольку
других у нас не водится собак.

В мороз — тепло, в жару у нас — не душно...

У нас — как воплощение естества —
всегда жила церквушка, потому что
здесь не было не помнящих родства.